

DOI: 10.31857/S013038640028931-2

© 2023 г. В.В. НАУМКИН, В.А. КУЗНЕЦОВ

КОРОЛЕВСТВО САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Наумкин Виталий Вячеславович — действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Аннотация. Целью статьи является выделение ключевых особенностей формирования политической системы Саудовской Аравии в пространственно-историческом измерении. Несмотря на существование ряда работ по истории королевства, проблема эволюции его политической модели, особенно в ее территориальных аспектах, до сих пор еще не рассматривалась. В статье исследование генезиса и специфических черт саудовской политической системы, которая является одной из моделей государственности, сформировавшейся в арабском мире в XX в. и оказавшейся в кризисе во втором-третьем десятилетиях XXI в., основывается на гибридной историко-политологической методологии, позволяющей проследить генезис и эволюцию политической системы в длительной ретроспективе. Источниковую базу исторической части исследования составили документы советских дипломатов и дипломатические документы Королевства Саудовская Аравия, в которых описываются шаги правителя Ибн Сауда по формированию институтов политической власти королевства и его административно-территориального устройства. На основании этих документов в политологической части статьи авторы приходят к выводу о существовании трех групп элементов саудовской политической модели — универсальной, присущей самым разным государственным образованиям, арабо-мусульманской, соотносящейся с соответствующей политической культурой, и аравийской, характерной для арабских монархий Персидского залива и для Йемена.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Неджд, Хиджаз, К. Хакимов, многосоставное государство.

V.V. Naumkin, V.A. Kuznetsov

Kingdom of Saudi Arabia: Defining the Model of Arab Statehood

Vitaly Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Vasily Kuznetsov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; Researcher ID: O-1087-2016; ORCID: 0000-0003-3646-4037

Abstract. The authors explore the genesis and peculiarities of the Saudi political system, considered as one of the statehood models that emerged in the Arab world in the twentieth century and is experiencing its crisis in the 2010s–2020s. They use a hybrid methodology that combines History and Political Sciences. This combination allows them to trace the genesis and evolution of the political system in the long-term retrospective. The sources for the historical part of the article include diplomatic documents from the USSR and Saudi Arabia that describe Ibn Saud's measures to form the institutes of political administration in the Kingdom and its administrative territorial structure. Drawing on these documents, in the politological part of the article, the authors identify three clusters of elements of the Saudi political model: universal, which has parallels in the history of various states, Arab-Muslim, corresponding to the respective political culture, and specifically Saudi. The authors provide other examples when the aforementioned elements of statehood played a system-forming role and demonstrate the peculiarities of the Saudi mix of traditional and contemporary statehood elements. They propose to introduce the notion of a specific Arab model of the multi-component genesis of the state and show how such genesis influences the further development of the political system.

Keywords: Saudi Arabia, Nejd, Hejaz, Karim Khakimov, multi-component state.

Как в российских, так и в зарубежных ближневосточных исследованиях последних лет одной из наиболее дискуссионных остается проблема кризиса и изменения ближневосточной модели государственности¹. Импульсом к ее обсуждению стали драматичные процессы, охватившие ближневосточный регион в 2010–2020-е годы и приведшие к разрушению или резкому ослаблению государственности в одних случаях, весьма неудачным попыткам выстраивания альтернативных моделей — в других и переосмыслению уже сложившихся моделей — в третьих. К последним относятся арабские монархии Персидского залива, где опубликованные в эти годы стратегические программы («Видение 2030» в Саудовской Аравии², «Видение 2071» в ОАЭ³, Бахрайнуна в Бахрейне⁴) предполагают не просто проведение тех или иных экономических реформ, как это обычно бывает в случае со стратегиями развития⁵, но и переосмысление самих основ национальной консолидации и развития. Парадокс складывающейся ситуации состоит в том, что при единодушном признании самого факта кризиса сложившейся модели общепринятого описания ее основных параметров не существует, а каждое последующее исследование позволяет выделять в ней все новые черты.

В рамках настоящей статьи мы намереваемся показать некоторые особенности формирования политических институтов арабского территориального государства на примере Саудовской Аравии, выделив в саудовской модели универсальные, арабо-мусульманские и аравийские элементы. При этом при описании истории формирования саудовской

¹ Schwarz R., De Corral M. States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // Democracy and Security. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226; The Crisis of Government in the Middle East: Implications for Democracy, Development and Security // Konrad Adenauer Stiftung. 2013. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=c95f3785-9c7e-17f8-6ca7-7f2182d77df2&groupId=252038 (дата обращения: 01.08.2023); Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 23.07.2023); Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2). С. 97–109; Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43; Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М., 2020.

² Ру'айа 2030. Ал-Мамлака ал-'арабийи ас-са'удийа // Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 16.07.2022).

³ UAE Centennial 2071 // About the UAE. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-plans-uae-centennial-2071> (дата обращения: 17.03.2022).

⁴ Bahrainouna // URL: <http://www.bahrainouna.com> (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. Harlow, 2009. P. 531–533.

государственности мы будем опираться на советские дипломатические документы того времени, представляющие этот процесс довольно подробно. Таким образом, в методологическом отношении настоящая статья базируется на специфическом гибридном историко-политологическом подходе, позволяющем отслеживать процессы генезиса и эволюции политических систем на длительных временных отрезках.

Как известно, Саудовское государство возникало на карте Аравийского полуострова трижды: в середине XVIII в., когда был заключен пакт между Мухаммедом ибн Саудом и Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом⁶; в 1824 г., когда к власти в Эр-Рияде пришел Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд, создавший эмират Неджд, и, наконец, в начале XX в., когда Абдальазиз ибн Сауд сначала смог объединить разрозненные племена Неджда (1902–1932), а затем присоединить к нему Хиджаз и ряд других областей Аравии⁷.

Насколько позволяют судить источники, в период до объединения с Хиджазом созданное Ибн Саудом политическое образование было довольно рыхлым и во многом напоминало то, что американский исследователь Ч. Робинсон, рассуждая об империи Омейядов, назвал «завоевательной политией»⁸, т.е. политической структурой, в которой дефицит институтов компенсируется постоянной внешней экспансией. Впрочем, даже на этом раннем этапе Ибн Сауд уже прикладывал существенные усилия для повышения устойчивости реализовывавшегося им политического проекта.

Как и его предки во времена первых попыток создать государство в Аравии, Ибн Сауд использовал союз с окрепшим ваххабитским духовенством для консолидации базы поддержки среди племен. К началу второго десятилетия XX в. правитель Неджда, опираясь на рост популярности ваххабитского «римейка» религии «праведных предков» (ас-салаф ас-салих)⁹, решил провести, пожалуй, первую из задуманных им трансформаций бедуинского социума — перевод кочевых племен на оседлый образ жизни¹⁰. Эта инициатива вызвала сопротивление в бедуинской среде, и для оправдания занятий сельским хозяйством ваххабитским имамам пришлось даже выступить со специальной фетвой. При том, что сама инициатива Ибн Сауда по седентаризации племен вполне соответствовала политике, проводившейся в то время как арабскими лидерами, так и колониальными властями в других странах арабского мира¹¹, инструменты ее реализации и само целеполагание правителя обладали здесь существенной спецификой.

Ибн Сауду и активно поддерживающей его части ваххабитских улам пришлось снова, как когда-то пророку Мухаммаду и его ближайшим сподвижникам, с помощью да‘вы¹² убеждать бедуинов неукоснительно соблюдать заветы Аллаха, отказаться от родоплеменной ‘асабийи¹³, кровной мести, пережитков многобожия, греховного поведения и быть солидарными с братьями по вере. Так, в 1910 г. появилось новое содружество единомышленников под названием «Ихван ат-таухид» (Братья в Единобожии). Не всегда декларируемое, но четко просматриваемое подражание Мухаммаду вылилось в ревитализацию известной со времен пророка концепции хиджры — ухода от грешного мира в ту его часть, где истинные мусульмане могли в полной мере предаться исповеданию «правильной

⁶ Redissi H. Le Pacte de Nadjd. Ou comment l’islam sectaire est devenu l’islam. Paris, 2007.

⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М., 1999.

⁸ Robinson C.F. ‘Abd al-Malik. Oxford, 2005.

⁹ Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М., 1967.

¹⁰ Nahedh M. The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989. P. 125–127.

¹¹ Kark R., Frantzman S.J. Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.

¹² да‘ва (араб.) — буквально «призыв».

¹³ ‘асабийя — традиционная приверженность своему племени, роду, против которой выступал пророк Мухаммад, призывавший к вытеснению ее исламской солидарностью.

веры». Но в этот раз хиджрой стали называть земледельческие колонии-поселения тех, кто решил уйти из пустыни¹⁴.

Таким образом, это был не просто совершенный по воле правителя перевод кочевogo населения на оседлый образ жизни и так же сверху навязанный ему переход к занятию земледелием из прагматических соображений укрепления государственной власти. Была еще одна высокая цель. Ибн Сауд, несомненно, хотел на новом витке арабо-мусульманской истории повторить подвиг пророка Мухаммада, когда тот начал создавать мусульманское братство в общине-умме. Подобно тому, как в VII в. жители Аравии должны были отказаться от родоплеменной самоидентификации и ощутить себя членами одной, скрепленной узами новой солидарности мусульманской уммы, они вновь должны были объединиться в общине уже не просто мусульман, но ихванов, соответственно так и обращаясь друг к другу. Ихваны — наиболее фанатичная часть приверженцев ваххабизма — по задумке Ибн Сауда, были призваны стать мощной военно-полицейской силой в завоевательных походах, в поддержании его власти и насаждении новых порядков на входящих в его государство территориях. Таким образом, они являлись одновременно и территориально-религиозной общиной, и социально-экономической ячейкой общества, и полицией, и армией, иначе говоря, особым военно-религиозным движением, которому трудно найти аналоги в истории XX в., хотя можно в более ранней.

Поначалу новые поселения воздвигались на стратегических путях: к примеру, первое из них, Аль-Артавийя, было воздвигнуто в 1912 г. на пути в Ирак, второе, Гатгат — на пути в Мекку¹⁵. К концу 1920-х годов в Неджде существовали уже сотни поселений, в которых жили сотни тысяч ихванов¹⁶. Как сообщали позднее в НКВД советские дипломаты: «К настоящему времени, по данным сведущих лиц, уже насчитывается до 200 новых поселений, среди которых имеются такие как, например, поселение “Артавия” (основано в 1918 г.) с населением в 80 000 душ. Дать более подробные и более точные сведения по этому чрезвычайно интересному вопросу пока не представляется возможным ввиду отсутствия исчерпывающих и надежных материалов. Но, во всяком случае, те сведения, которыми мы обладаем и которые частично известны и в литературе (книга Рейхани), достаточны»¹⁷.

В июле 1924 г. Ибн Сауд объявил джихад против расположенного на западе полуострова Хиджаза, где к тому моменту уже существовало собственное государственное образование со столицей в Мекке. По меркам Аравии того времени Хиджаз был, несомненно, более модернизированным и интегрированным в мировую политику государством, чем Неджд, а его руководитель — шериф Хусейн аль-Хашими — чаял даже стать во главе государства всех арабов.

Призыв Ибн Сауда ихваны встретили с воодушевлением, считая хиджазские города рассадниками морального разложения. При этом они стремились повторить путь своих предшественников, захвативших Мекку и Медину в XVIII в. В 1924–1925 гг. войска Ибн Сауда успешно захватили основные городские центры Хиджаза, и после падения Джидды в декабре 1925 г. Ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза и султаном Неджда и зависимых территорий (до того времени, начиная с 1920 г., он был только султаном). Уже 16 февраля 1926 г. Керим Хакимов, тогдашний советский консул в Джидде, направил

¹⁴ *Al-Mubarak F.A. Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // Journal of King Saud University. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 32.*

¹⁵ *Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia 1925–1939. The Imperial Oasis. London, 1983. P. 24.*

¹⁶ *Иса А. Аль-Му'джиза фаук ар-рималь. Бейрут, 1975. С. 64; Георгиев А.Г. (Аксененок А.Г.), Озолин В.В. Нефтяные монархии Аравии. М., 1983. С. 22.*

¹⁷ *Королевство Геджас — Неджда и присоединенных областей // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 08. Оп. 12. П. 77. Д. 94. Л. 19–20. Упомянутая книга принадлежит известному ливанскому писателю Амину ар-Рейхани, посетившему королевство и общавшемуся с Ибн Саудом (Ар-Рейхани А. Тарих Неджд аль-хадис ва-мульхакатих (Современная история Неджда и присоединенных областей). Бейрут, 1928).*

королю ноту о полном признании саудовского государства. Таким образом, Советский Союз стал первым зарубежным государством, признавшим Саудовскую Аравию.

Государство, созданное Ибн Саудом, было уникальным, как минимум, в силу двух обстоятельств. Во-первых, оно было «двусубъектным», дуальным, поскольку состояло из двух разных государств, объединенных под властью одного правителя, — Хиджаза и Неджда с присоединенными областями. Во-вторых, эти два государства были разноименными, королевством и султанатом, а сам правитель, соответственно этому, обладал двумя титулами — короля и султана (здесь напрашивается аналогия с возникновением султаната Оман). Заметим, что ко всему прочему два субъекта нового государственного образования сильно различались по уровню экономического и социального развития, культуре и составу населения.

Хакимову очень хотелось, чтобы Советский Союз оказался первой страной, которая заключит договор с Хиджазом/Недждом, что явилось бы и большой личной победой генконсула. Он писал: «Нужно отметить, что международно-правовое положение нового государства, несмотря на наличие признания де юре, все еще остается неопределенным, как неопределенна его государственно-правовая сущность. Дело в том, что фактически в настоящее время оба государства представляют реальную унию, поскольку, кроме личности монарха, их объединяет фактически общее ведение иностранных дел, военное управление, почтовое, монета и т.п. Вместе с тем, однако, неоднократные заявления Ибн Сауда о полной независимости Геджаса и о необходимости определить его взаимоотношения с Недждом, а также идея добиться нейтрализации Геджаса, выдвинутая на всеобщем мусконгрессе, — все это наводит на мысль, что Ибн Сауд склонен рассматривать Геджас и Неджд как два независимых государства, находящиеся лишь в личной унии. Тексты признания европосударств достаточно недвусмысленны, чтобы разрешить этот вопрос»¹⁸.

Далее консул показывал разницу между Хиджазом и Недждом. «В то время как Геджас до взятия его ваххабитами был признан де юре великими державами и даже числился членом — учредителем Лиги Наций (в которую он, однако, не вступил ввиду нератификации Хусейном Версальского мира), Неджд не был признан де юре. Наоборот, над ним тяготеет еще договор 1915 г., который ставит Ибн Сауда под протекторат Англии. Хотя этот договор Ибн Саудом фактически нарушался, тем не менее он может служить в руках англичан оружием давления на Ибн Сауда. Объединение Неджда и Геджаса в одно государство (реальная уния) даст Ибн Сауду возможность путем заключения договора от имени нового государства, пользуясь существующим уже давно признанием Геджаса, избавить и Неджд от связывающего его прошлого и укрепить его международное положение, что, несомненно, идет по линии наших интересов. Вот почему Агентство и Генконсульство полагает, что предлагаемый проект договора, заключаемый недвусмысленно с правительством Ибн Сауда, короля и султана, встретит сочувственное отношение к себе Ибн Сауда. Настоящий проект рассматривает предполагаемый договор как общий договор о дружбе, предусматривающий в основных чертах разрешение общих вопросов, могущих возникнуть между обеими сторонами»¹⁹.

Лишь в конце января 1927 г. была устранена одна из двух асимметрий саудовского государственного устройства: султанат тоже стал королевством, хотя двусубъектность сохранялась вплоть до 1932 г.

В связи с переименованием султаната заместитель главы внешнеполитического департамента Хиджаза Юсуф Ясин в начале апреля уведомил советского генконсула в соответствующей ноте:

«Письмо заместителя управляющего иностранными делами Геджаса на имя Агента и Генерального Консула Союза ССР в Геджасе от 2 шавваля 1345 года.

¹⁸ Объяснительная записка, 4 августа 1926 г. // АВП РФ. Ф. 4. Оп. 12. П. 69. Д. 961. Л. 28—36.

¹⁹ Там же.

Имею честь известить, что по случаю посещения Его Величеством королем Эр-Рияда столицы султаната Неджда и присоединенных областей к нему явились делегации, представлявшие население этого султаната. 25 раджаба 1345 года (28 января 1927 года) состоялось торжественное собрание под председательством имама Абдуррахмана Аль-Фейсала Аль Сауда, отца Его Величества короля, которое и постановило превращение султаната Неджда и присоединенных областей в королевство под названием “королевство Неджда и присоединенных областей”, а также провозглашение Его Величества короля Геджаса и султана Неджда и присоединенных областей Абдель Азиза ибн Абдеррахмана Аль-Фейсала Аль Сауда королем с титулом “король Неджда и присоединенных областей”. Затем это постановление было предложено королю, который издал следующий высочайший указ:

“На основании предложения, сделанного нам старейшинами из наших подданных в султанате Неджда и присоединенных областей, повелеваем, чтобы султанат Неджда и присоединенных областей был королевством Неджда и присоединенных областей и чтобы отныне и впредь наш титул гласил “король Геджаса, Неджда и присоединенных областей”. Прошу Бога о содействии в осуществлении наших трудных задач, ибо Он лучший помощник. Король Геджаса, Неджда и присоединенных областей Абдель Азиз”.

Прошу довести об этом до сведения вашего уважаемого правительства.

Примите и пр. (подп.) Юсуф Ясин²⁰.

Вслед за формальным объединением двух областей последовал целый ряд административно-политических реформ.

В одной из статей, опубликованных в начале 1928 г. в СССР, т.е. всего через два года после провозглашения Ибн Сауда королем Хиджаза, Рафик Муса, это псевдоним советского дипломата и разведчика М.М. Аксельрода, позитивно оценил результаты внутреннего строительства в Геджасе. В этом эссе можно выделить несколько ключевых положений. Первое: Ибн Сауд осуществляет свой собственный проект государственного строительства, который рассматривается в статье довольно подробно. Второе: восстановление отношений «времен зарождения ислама» — главная черта этого госстроительства. Третье: проводимые Ибн Саудом мероприятия квалифицируются как реформы. Четвертое: принятый в августе 1926 г. программный документ для Хиджаза характеризуется как «конституция». Пятое: дается положительная оценка этих мероприятий. Реформы следовали одна за другой, отмечает автор, а первые были осуществлены Ибн Саудом еще во время войны между Недждом и Хиджазом: создание в оккупированной части Хиджаза «Маджлис ахли» (Гражданского совета) из представителей населения Мекки, которому король представлял на рассмотрение отдельные проводимые им мероприятия. Ибн Саудом, по мнению автора, были «впервые созданы административный аппарат страны и разные представительные учреждения, а также радикально преобразованы судебные органы»²¹.

После 31 августа 1926 г., когда в стране были опубликованы «Основные положения Хиджазского королевства», своего рода конституция, процесс реформирования приобрел системный, программный характер. Аксельрод не соглашается с египетскими журналистами, уже вкусившими «прелести европейской демократии в Египте», обвинявшими Ибн Сауда в установлении режима самодержавия, поскольку (статья пятая «Положений») «управление Геджасским королевством будет находиться в руках е.в. короля Абдель Азиза», так что «положение в Геджасе несколько не изменяется по сравнению с эпохой Хусейна», правда, «е.в. будет ограничен нормами высокого шариата». Автор замечает: «Это вполне соответствует основному духу ваххабитской доктрины, стремящейся восстановить первоначальные патриархально-демократические отношения времен зарождения ислама во всей их чистоте». Однако «трудно сказать, насколько Ибн Сауд серьезно задается целью реставрировать Геджас 7-го века в условиях 20-го столетия, но, во всяком случае, в условиях Неджда, завоевавшего Геджас и наложившего на его современную жизнь

²⁰ АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 37. Д. 3. Л. 34–37.

²¹ Муса Р. Реформы в Геджасе // Международная жизнь. 1928. № 1. С. 44–60.

отпечаток своей идеологии, ограничение власти короля нормами шариата отнюдь не является пустым звуком. Там действительно король не может сделать ни одного шага, не заручившись предварительным согласием не только вождей, но и основной массы племен. Если эти отношения и не переносятся сейчас в Геджас целиком, а хотя бы в весьма приблизительной степени, то и это является большим прогрессом по сравнению с временами Хусейна».

«Теперь же конституция предусматривает создание ряда совещательных органов из представителей населения. В центре таким органом является “Маджлис аш-шура” (Совещательное собрание), состоящее при короле и его наместнике. На местах создаются окружные маджлисы в окружных центрах и племенные советы у племен. Для разрешения муниципальных вопросов создаются органы городского самоуправления в виде “общих городских советов”, имеющих свои городские управы и городских голов».

Автор замечает, что к участию в этих органах привлекается не все население, а именитые, лучшие люди, к каковым относятся (хотя законодательно имущественный ценз не предусматривался) «богатые купцы и домовладельцы — наиболее влиятельный политически и экономически элемент Геджаса; к участию в племенных советах предусматривается привлечение шейхов, т.е. родовых старейшин».

Анализируется и формирование административного аппарата: «Оставляя за королем верховную власть, в осуществлении которой ему помогает генеральный наместник (это нововведение обязано своим появлением тому обстоятельству, что Геджас в настоящее время состоит в унии с Недждом), конституция намечает шесть отраслей управления, вверяемых специальным управляющим (мудирам) на правах министров... Вводится система иерархической подчиненности местных учреждений своим центрам.

Этой центральной системе соответствует и местная. Конституция предусматривает разделение страны на губернии (мудирии), а губернии на округа (нахии). В губерниях при управляющих (каймаках) создаются административные советы, состоящие из высших губернских чиновников».

Подводя итоги анализу этого документа, Аксельрод отмечает «ту существенную разницу, которая отличает Геджас Ибн Сауда от Хашимитского Геджаса». Она, по его мнению, «сводится к следующему:

Геджас является не королевской вотчиной, а государством, управляемым на основе известных правовых норм (в данном случае — шариата). Власть короля ограничена шариатом.

Население привлекается к участию в разрешении государственных и муниципальных вопросов, правда, в совещательной форме.

Устанавливается стройная система центрального и местного управления.

За деятельностью учреждений устанавливается организованный и централизованный контроль».

Помимо «конституции», Аксельрод анализирует и принятое в июле 1927 г. развернутое положение о городских самоуправлениях, которое в деталях определяет «не только функции городских самоуправлений, их “общих советов”, управ и городских голов, но также и их штаты и функции отдельных сотрудников. В общем и целом городским самоуправлениям предоставляются довольно обширные полномочия по ведению и упорядочению городского хозяйства, а также и соответствующие права по изданию обязательных постановлений и взиманию городских сборов и налогов».

Автор отмечает и созывы королем общих собраний граждан для обсуждения тех или иных мероприятий. «Так, например, такое обширное собрание было созвано 5 августа 1927 г. в Мекке. На нем был обсужден ряд важных вопросов (о религиозном воспитании, о храме, о вакуфах) и были выделены специальные комиссии для их проработки. Подобное же собрание состоялось в конце сентября в Джидде, где король излагал основные задачи правительственной деятельности в ближайшее время, указал на необходимость

строгого соблюдения законности и предлагал населению обращаться к нему непосредственно со всякими жалобами и заявлениями».

Детально анализируя созданную в Хиджазе систему центрального управления, автор назвал предусмотренные в «конституции» шесть отраслей управления: шариатскую (по религиозным делам, в ее ведении находились и судебные учреждения), внутренних дел (куда входили здравоохранение, почта и телеграф), просвещения, финансов, иностранных дел и военную. Военными делами заведовал не управляющий, как в других отраслях, а сам король. «Некоторые из этих управлений содержат в своем составе более или менее важные и пользующиеся некоторой самостоятельностью отделы. Так, например, в управление внутренними делами, во главе которого стоит сам наместник, входят отделы почты и телеграфа и здравоохранения».

Отделения на местах из всех правительственных учреждений, отмечается в статье, имело только финансовое ведомство в важнейших пунктах (например, в Джидде, Медине). А Маджлис аш-шура первоначально должен был стать и высшим представительным учреждением, и высшим административным органом. Однако затем Ибн Сауд решил создать исполнительный комитет из глав центральных управлений. Таким образом, считал автор, создавалось нечто вроде кабинета министров. А на местах этому исполнительному комитету соответствовали административные советы в составе всех высших губернских чиновников. Декрет об организации таких советов в Джидде и Медине был издан 14 сентября 1927 г. Но в остальном «административное устройство Геджаса сохранило весь тот хаотический облик, который оно имело во времена Хусейна. Указанного в новой конституции деления страны на губернии и округа фактически не существует».

Жестокий, но справедливый — таким видели Ибн Сауда в Москве. Порядок держался, отмечал Аксельрод, не только на силе и авторитете правителя: «Бедуинам, по землям которых проходят паломнические пути, было назначено определенное, точно зафиксированное содержание, взамен чего они обязались не только поддерживать порядок и безопасность на своих участках, но и отвечали за это головой. Конечно, это вознаграждение не могло идти в сравнение с прежними доходами бедуинов, но, с другой стороны, увеличение хаджа (в результате упрочения безопасности) и повышение платы за перевозку паломников (чем заняты главным образом бедуины) до некоторой степени компенсировали эти потери».

«Укреплению начал торгового капитализма» в Хиджазе противоречили интересы племен, антагонистов городской культуры, стоявших за ваххабитским походом против всякого рода ереси, за «чистый ислам».

Поскольку в состав королевства Неджд недавно вошли Хиджаз, Эль-Хаса и Джебель-Шаммар, король при организации управления этими областями проявлял решительность, сочетавшуюся с осторожностью, как считали дипломаты, он исходил из необходимости диверсифицированного подхода к вышеназванным областям, учитывая особенности каждой из них. В Неджде роль правительства играл королевский двор, который одновременно был правительством всего государства. Хиджаз был наделен своеобразными автономными правами, и наместником в нем стал второй сын короля эмир Фейсал²².

В Неджде наместником был назначен другой сын — эмир Сауд. То, что сыновья короля стали наместниками в провинциях, призвано было содействовать фактическому объединению страны под эгидой централизованной власти. В управлении государством участвовали также и другие его сыновья — эмир Мухаммад, ставший губернатором Медины, и эмир Халед. Вырабатывая и совершенствуя систему передачи власти, Ибн Сауд не только укреплял централизованный характер государства, но и добился баланса сил на всех уровнях, позволившего устранить или погасить соперничество, ликвидировать причины, способные породить конфликтность. Баланс, основанный на системе сдержек

²² См. о нем: Яковлев А. И. Фейсал: король-реформатор. М., 1999; Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010.

и противовесов, сыграл большую роль в стабилизации внутривнутриполитической жизни королевства.

Созданный в Джидде департамент иностранных дел (мудирият аш-шу'ун аль-хариджийя) ведал всеми внешними связями королевства вплоть до 1930 г., когда он был реорганизован в министерство иностранных дел — первое из всех, что были созданы в королевстве. Король продолжал лично уделять особое внимание этому министерству ввиду его значимости, а Фейсал бин Абдель Азиз бессменно руководил сначала департаментом, а затем министерством иностранных дел в качестве министра. По утверждению королевского советника Хайреддина аз-Заркали, Фейсал продолжал курировать внешнюю политику даже после того, как стал королем²³.

Таким образом, после завершения военной экспансии, длившейся практически четверть столетия, Ибн Сауд быстро перешел к формированию политической системы, базирующейся на институтах власти.

Несмотря на значительные изменения, происходившие в политической системе Саудовской Аравии в дальнейшем, многие заложенные Ибн Саудом механизмы управления сохранились до сих пор. При этом, если рассматривать созданную Ибн Саудом систему как один из вариантов моделей арабской государственности XX в., в ней можно выделить несколько типов элементов, соотносящихся соответственно с универсальными принципами госуправления, арабо-мусульманской, аравийской и специфически саудовской политическими культурами. Поскольку саудовские элементы по определению уникальны и не могут считаться составляющими более общей модели, попытаемся выделить остальные.

Универсальные элементы. При всем своеобразии государства Ибн Сауда, универсальные элементы в нем вполне очевидны — в приведенных выше документах советские дипломаты подчеркивают как раз эту «нормальность» саудовского государства, обнаруживаемую ими и в функциональном разделении административных полномочий, и в территориальной системе управления, и в самом процессе выстраивания системы на основе некоего аналога конституционного уложения. В целом, описываемые ими механизмы управления соответствуют логике вестфальского территориального государства со свойственным ему разделением административных полномочий между специализированными ведомствами, во-первых, выделением нескольких уровней административно-территориальной системы, во вторых, и формированием каналов обратной связи, в-третьих. Выстраивая подобный управленческий дизайн, король, вероятно, исходил из простого здравого смысла, а какие-то конкретные решения могли быть подсказаны ему иностранными советниками²⁴.

Впрочем, универсальные элементы относятся не только к политическому дизайну — они могут быть выделены и в самом процессе государствообразования.

Чтобы увидеть их, достаточно отвлечься от собственно саудовского опыта и сравнить его с совершенно иным. Так, Х. Ортега-и-Гассет начинает свое эссе «Бесхребетная Испания» с рассуждений о Моммзене и истоках римской государственности — единственной государственности, история которой, как отмечает испанский философ, явлена нам полностью: от своего зарождения до краха. Ортега-и-Гассет в исследовании истоков Рима, вслед за Моммзеном, утверждает, что «история любой нации, и прежде всего римской, представляет собой развитие системы присоединения»²⁵. Понятие присоединения и далее остается важнейшим для автора: «Мы наблюдаем не рост какого-то исходного ядра, а последовательное учреждение новой структуры, связи социальных единств, которые сложились как самостоятельные образования задолго до начала процесса. “Ядро” нации

²³ *Аз-Заркали Х.* Камус тараджум ар-риджал ва-н-ниса' мин ал-'араб ва-л-муста'рибин ва-д-мусташиркин. Т. 7. Бейрут, 2002. С. 369.

²⁴ *Yizraeli S.* The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997. P. 39–40.

²⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 269–270.

вовсе не поглощало покоряемые общины или племена, а последние отнюдь не утрачивали своей самобытности, сложившегося жизненного уклада»²⁶.

Развивая этот тезис, он отмечает, что если понимать национальное единство как динамичную систему, то «в ней обязательно должны присутствовать как центробежные, так и центростремительные силы». Если центробежные силы сохраняются в системе просто вследствие путей ее формирования, то центростремительные формируются через «проект совместной жизни»: «Нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего»²⁷.

Для Ортеги-и-Гассета все эти рассуждения важны, так как они позволяют ему описать специфику формирования испанской государственности через объединение сначала Кастилии и Арагона, а затем и других государств полуострова.

Понятно и то, что в принципе предложенная им модель формирования государственно-сти с легкостью может быть обнаружена и в целом ряде иных случаев. Первые, приходящие на ум, — Русь, Германия, Италия. Несмотря на то что эти государства формировались в совершенно разные исторические эпохи, сам принцип генезиса единого образования через симбиотическое соединение нескольких сообществ во всех них представлен довольно ясно. Притом далеко не всегда подобный путь может вести к развитию федерализма.

Описанный принцип выражен и в истории Саудовской Аравии, проект которой, во-первых, основывался на идее воплощения салафитской «программы грядущего» (и в этом плане противостояние Неджда и Хиджаза было особенно значимым, ведь возглавлявшие Хиджаз Хашимиты также придерживались долгосрочной стратегии объединения всех арабов), а во-вторых, формировался через соединение друг с другом различных областей Аравии.

При знакомстве с документом Хакимова, где он характеризует государство Ибн Сауда как реальную унию, сама собой напрашивается аллюзия к иным известным униям — прежде всего польско-литовской и австро-венгерской. Принципиальное отличие саудовского варианта от европейских состояло в нескольких вещах. Во-первых, в европейских случаях речь шла либо об объединении нескольких более или менее гомологичных друг другу государств, либо, напротив, о децентрализации власти в рамках ранее единого государства, как в Австро-Венгрии. И в том и в другом случае составные части унии были схожи между собой в институциональном отношении и более или менее соответствовали друг другу по уровню развития и социально-экономическому укладу. Во-вторых, в Европе унии, сначала возникавшие как личные или династические и затем превращавшиеся в реальные, не формировались ради навязывания того или иного религиозного толка одним из участников другим. Наконец, в-третьих, если и был в европейских униях некий аналог поиска родоплеменного баланса, то касался он исключительно политических элит составных частей возникавшего государства, но никак не распространялся на все общество.

Это позволяет обратиться ко второму кластеру элементов политической системы Ибн Сауда — арабо-мусульманскому.

Арабо-мусульманские элементы. Если смотреть на формирование саудовской государственности в контексте арабо-мусульманской политической истории, то можно видеть, что в значительной степени оно повторяло путь, пройденный государством Мухаммада и праведных халифов, опыт которого уже в Средние века стал для исламской политической традиции эталонным. И дело здесь было не только в сознательном стремлении Ибн Сауда метафорически воспроизвести путь пророка, о чем упоминали советские дипломаты, но и в объективном совпадении целого ряда условий.

Напомним, что государство Мухаммада в период своего формирования прошло через три основных этапа.

²⁶ Там же. С. 277.

²⁷ Там же. С. 281.

Первый из них был связан с переселением пророка и его сподвижников мухаджиров из Мекки в Ясриб (Медину) в 622 г. Тогда между мусульманами и различными населявшими Ясриб родоплеменными группами был заключен договор, получивший в историографии название «Конституция Медины»²⁸. В сущности, этот документ — своеобразный общественный договор среди конкурировавших ранее между собой групп мединского населения — предполагал установление между ними баланса сил на основе общих правил поведения, которые всеми участниками соглашения рассматривались как справедливые. Это положило начало формированию представлений об умме как политико-правовой общности²⁹.

Вторым этапом формирования исламской государственности можно считать победу Мухаммада над Меккой, в результате которой произошло не просто объединение двух политических центров тогдашней Аравии, но и кооптация курайшитов в политическую элиту нового государства, наиболее ярким примером чего стало принятие ислама Абу Суфьяном, лидером курайшитов в 630 г. Его сын, Муавия, впоследствии станет сначала наместником Сирии, а затем основателем династии Омейядов.

Наконец, третьим этапом становится ар-рида — попытка ряда аравийских племен отколоться от исламской уммы после смерти пророка под предлогом того, что принесенная ими присяга (бай'а) не распространяется на его преемников. Завоевательные походы за пределы Аравийского полуострова, начавшиеся после пресечения этих попыток, стали не менее важным инструментом консолидации общины, чем само насильственное противостояние отступникам.

Таким образом, в ранней истории исламского государства, помимо уже упомянутых элементов объединения общин ради проекта общего будущего, мы обнаруживаем, что государство здесь формируется на основе баланса интересов родоплеменных групп, объединенных одной идеологией. Далее на протяжении всей истории арабо-мусульманской государственности то тут, то там встречается мало меняющаяся схема: религиозный проповедник вступает в союз с лидерами какого-то племени и вместе они создают государство. В иной версии того же сценария проповедник сам формирует вокруг себя группу сподвижников, которая начинает действовать как племя, при помощи насилия и религиозной идеи консолидирующее вокруг себя и другие племена.

Таковы истории появления великих арабо-мусульманских империй Фатимидов, Альморавидов, Альмохадов, государства Сенуситов в Киренаике и махдистов в Судане.

В истории формирования государства Ибн Сауда мы находим все те же мотивы — объединение Неджда становится неким аналогом установления власти мусульман в Медине, а воссоединение Неджда с Хиджазом — аналогом победы мусульман над мекканцами. При этом повторяется не только общая схема, отсылка к которой во многом легитимизировала предпринимавшиеся Ибн Саудом шаги в глазах его подданных. Повторяются, кроме того, и некоторые конкретные элементы системы.

Так, феномен ихванов, выглядящий уникальным в контексте новейшей истории региона, легко соотносится с мухаджирами и ансарами в Медине Мухаммада, еще более точно с мурабитун, создававшими империю Альморавидов³⁰, суданскими махдистами³¹ и киренаикскими Сенуситами³². Во всех случаях речь шла о формировании внутри племенного общества внеплеменной религиозной общности, основанной на идее восстановления истинной веры и выполнявшей функции агентов насилия.

²⁸ Большаков О.В. История Халифата: в 4-х т. Т. 1. М., 2002.

²⁹ См.: Нассар Н. Мафхум ал-умма байна ад-дин ва-т-тарих. Дираса фи мадлул ал-умма фи-т-турас ал-'арабий ал-исламий. Бейрут, 1992; Наумкин В.В. Мусульмане и арабы: две уммы // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 6–22.

³⁰ Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987.

³¹ Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане. М.; Л., 1950.

³² Миронова Г.В., Егорин А.З. Сенуситы в истории Ливии. М., 2006.

Точно так же соотносится с ранней исламской историей и выстраивание политической системы при помощи образования новых поселений в стратегически важных центрах и переселение в них вчерашних бедуинов. Этот инструмент широко использовался во времена экспансии халифата — так возникли города, которые впоследствии стали его центрами: Куфа, Басра, Фустат, Кайруан и др.

Наконец, третий элемент связан с самой сущностью королевской власти, также вполне соотносившейся с представлениями, получившими распространение в исламской политической философии, начиная со Средних веков. Согласно им, важнейшей функцией правителя была защита ислама, понимавшаяся, с одной стороны, как обеспечение безопасности населения, а с другой — как соблюдение норм шариата на управляемой территории. В этом контексте вполне резонным кажется замечание советских дипломатов относительно того, что власть монарха ограничивалась здесь «нормами высокого шариата». Сочетается с этим и то, что одной из важнейших выделенных королем областей администрирования оказывается шариатская, в которую входит в том числе и вся судебная система королевства, как известно, в дальнейшем пользовавшаяся значительной автономией от королевской власти.

Аравийские элементы. Помимо универсальных и традиционных арабо-мусульманских элементов, в политической системе государства Ибн Сауда можно выделить и те, что представляются специфическими именно для аравийских монархий, схожесть общественного уклада которых предполагала и схожесть формировавшихся механизмов политической власти.

Таких элементов, как представляется, три.

Наиболее очевидный из них — это организация политической системы на основе родоплеменных отношений, когда стержнем политической системы становится определенная родоплеменная группа. В Королевстве Саудовская Аравия, само название которой включает в себя имя основателя правящей династии (Арабское королевство Сауда), этот принцип выражен наиболее полно из всех аравийских монархий. Его отражение в государственности Марокко и Иордании, в полных названиях которых также упоминаются правящие династии Алауитов и Хашимитов, связано с изначально аравийским происхождением этих династий и их родственной связью с пророком.

Другой, чуть менее очевидный элемент: государственность формируется через объединение подконтрольных тем или иным родоплеменным группам регионов, либо на основе компромисса, либо через подчинение. В обоих случаях речь идет о некоторой договоренности между ключевыми группами, контролирующими те или иные территории. В случае с Саудовской Аравией, несмотря на то что объединение королевства происходило через присоединение различных областей к Неджду, в каждом конкретном случае статус этих областей определялся особо на основании реального баланса сил. При этом, как показал Г.Г. Косач³³, несмотря на то что хиджазские элиты не были напрямую кооптированы в политическое руководство страны, в реальности они заняли доминирующее положение в целом ряде сфер государственной политики, в частности в дипломатии. В истории формирования ОАЭ подобные соглашения между правящими семействами эмиратов находят еще более ясное выражение, причем отказ от присоединения к федерации Катара и Бахрейна был связан как раз с невозможностью установления подобного баланса. Наконец, в султанате Оман современная государственность также возникает на основе соединения двух государственных образований — султаната Маскат и имамата Оман; а в Йемене — сначала через соединение государственных образований южной части страны в рамках Южного Йемена, а затем через соединение юга и севера.

В специфическом саудовском случае, где баланс сил устанавливался не через компромисс между региональными элитами, а через их подчинение дому Аль Сауд, сочетание

³³ Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М., 2008.

двух выделенных аравийских элементов — родоплеменной основы власти и многосоставности государства — привело к тому, что важнейшим институтом управления стало наместничество: большинство наследных принцев королевства в тот или иной период своей деятельности служили губернаторами ключевых провинций королевства. При этом символическая значимость провинции и место принца в неформальной иерархии правящего дома так или иначе соотносились друг с другом: трое из шести королей Саудовской Аравии до восшествия на престол служили наместниками (амирами) Мекки (Хиджаза), двое — Эр-Рияда.

Наконец, третьей чисто аравийской особенностью рассматриваемой модели можно считать формирование различных каналов обратной связи между правящей элитой и обществом через племенные институты с опорой на исламский принцип совещательности (шура). В более или менее модернизированной саудовской модели этот подход воплощается в появлении различных совещательных органов власти (маджлис ахли и др.) или легитимизацию тех или иных политических решений посредством обращений общественных представителей к монарху (делегации племен или коллективные письма), как это было с решением об объединении Неджда и Хиджаза.

* * *

Проведенный анализ позволяет сделать два существенных вывода.

Во-первых, сформированное Ибн Саудом государство сочетало в себе как традиционные, так и современные элементы. При этом если внешние наблюдатели были склонны воспринимать политическую систему королевства, акцентируя внимание на современных элементах, легко соотносившихся с известным им опытом существования вестфальских территориальных государств, то в глазах самого саудовского населения более важную роль играли элементы традиционные, которые соотносились как с исламской, так и с арабской (в аравийском ее варианте) политической традицией. Несмотря на дальнейшую эволюцию саудовской государственности и ее постепенную модернизацию при последующих правителях, сам принцип сочетания этих элементов в политической системе сохраняется по сей день. Вместе с тем на современном этапе развития, как представляется, система сталкивается в этом отношении с тремя ключевыми вызовами. Модернизирующееся общество должно сегодня в большей степени фокусироваться на современных элементах системы, в меньшей степени доверяя тем, что были подсказаны традицией. Однако отказ от традиционных элементов должен требовать их замены какими-то современными аналогами, что неизбежно будет способствовать ее временному ослаблению. При этом дополнительную неопределенность создает то, что сама вестфальская модель государственности сегодня переживает вполне понятный кризис и слепое ее заимствование вряд ли будет способствовать повышению эффективности системы.

Во-вторых, саудовский случай позволяет подтвердить существующие представления о специфическом формировании многосоставной государственности. Как и в вопросе об общих механизмах управления, здесь мы также обнаруживаем сочетание универсальных и специфических аравийских элементов. Принципиально важным при этом оказывается, что внутренняя гетерогенность многосоставного государства компенсируется, с одной стороны, неким проектом будущего (в случае с Саудовской Аравией начала XX в. — религиозным, а сегодня — «Видением 2030»), а с другой — возможностью достижения баланса сил между региональными элитами (разумеется, при сохранении центральной властью монополии на легитимное насилие). В случае с аравийскими монархиями этот баланс достигается через договоренности между родоплеменными группами, однако в иных регионах это, разумеется, может происходить иначе. Как показывает опыт не только Саудовской Аравии, но и других государств, вне зависимости от выбранной модели административно-территориального устройства, многосоставность государства остается важнейшей характеристикой его внутреннего устройства на протяжении чрезвычайно длительного времени и редко когда преодолевается.

Представляется, что значимость сделанных выводов выходит за пределы изучения специфичности саудовской государственности и может позволить по-новому посмотреть на общие перспективы государственности в условиях складывания нового миропорядка.

Библиография

- Большаков О.В.* История Халифата: в 4-х т. Т. 1. М., 2002.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М., 1999.
- Васильев А.М.* Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010.
- Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудилов в Аравии (1744/45–1818). М., 1967.
- Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987.
- Георгиев А.Г. (Аксененок А.Г.), Озолинг В.В.* Нефтяные монархии Аравии. М., 1983.
- Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2). С. 97–109.
- Косач Г.Г.* Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М., 2008.
- Кузнецов В.А., Салем В.* Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 23.07.2023).
- Миронова Г.В., Егорин А.З.* Сенуситы в истории Ливии. М., 2006.
- Муса Р.* Реформы в Геджасе // Международная жизнь. 1928. № 1. С. 44–60.
- Наумкин В.В.* Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43.
- Наумкин В.В.* Мусульмане и арабы: две уммы // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 6–22.
- Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 269–371.
- Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане. М.; Л., 1950.
- Труевцев К.М.* Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М., 2020.
- Яковлев А.И.* Фейсал: король-реформатор. М., 1999.
- Аз-Заркали Х.* Камус тараджум ар-риджал ва-н-ниса' мин ал-'араб ва-л-муста'рибин ва-д-мусташиркин. Т. 7. Бейрут, 2002. (На араб. яз.)
- Ар-Рейхани А.* Тарих Неджд аль-хадис ва-мульхакатих. Бейрут, 1928. (На араб. яз.)
- Иса А.* Аль-Му'джиза фаук ар-рималь. Бейрут, 1975. (На араб. яз.)
- Нассар Н.* Мафхум ал-умма байна ад-дин ва-т-тарих. Дираса фи мадлул ал-умма фи-т-турас ал-'арабий ал-исламий. Бейрут, 1992. (На араб. яз.)
- Kark R., Frantzman S.J.* Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.
- Leatherdale C.* Britain and Saudi Arabia 1925–1939. The Imperial Oasis. London, 1983.
- Al-Mubarak F.A.* Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // Journal of King Saud University. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 21–44.
- Nahedh M.* The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989.
- Redissi H.* Le Pacte de Nadjd. Ou comment l'islam sectaire est devenu l'islam. Paris, 2007.
- Robinson C.F.* 'Abd al-Malik. Oxford, 2005.
- Schwarz R., De Corral M.* States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // Democracy and Security. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226.
- Todaro M.P., Smith S.C.* Economic Development. Harlow, 2009.
- Yizraeli S.* The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997. P. 39–40.

References

- Bol'shakov O.V.* Istorii Khalifata [History of the Caliphate]: v 4-kh t. T. 1. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Georgiev A.G. (Aksenonok A.G.), Ozoling V.V.* Neftnyane monarkhii Aravii [Oil Monarchies of the Arabian Peninsula]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Iakovlev A.I.* Feisal: korol'-reformator [Faisal: The Reformer King]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Kosach G.G.* Saudovskii diplomaticheskii korpus: etapy evoliutsii i istochniki formirovaniia [The Saudi Diplomatic Corps: Stages of Evolution and Sources of Formation]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Kuznetsov V.A., Salem W.* Bez'alternativnaia khрупkost': sud'ba gosudarstva-natsii v arabskom mire [Alternativeless Fragility: Fate of the Nation-State in the Arab World] // Rossiia v global'noi politike [Russia

in Global Affairs]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (access date: 23.07.2023). (In Russ.)

Mironova G.V., Egorin A.Z. Senusity v istorii Livii [The Senussi in the History of Libya]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Musa R. Reformy v Gedzhase [Reforms in Hejaz] // *Mezhdunarodnaia zhizn'* [The International Affairs]. 1928. № 1. S. 44–60. (In Russ.)

Naumkin V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke [Crisis of the Nation States in the Middle East] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. 2017. Vol. 15. № 2. S. 27–43. (In Russ.)

Naumkin V.V. Musul'mane i araby: dve ummy [The Muslims and the Arabs: Two Ummas] // *Vostok (Oriens)*. 2022. № 1. S. 6–22. (In Russ.)

Ortega y Gasset J. Beskhrebetnaya Ispaniya [Invertebrate Spain] // *Ortega y Gasset J.* Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. Moskva, 2002. S. 269–371. (In Russ.)

Smirnov S.R. Vosstanie makhdistov v Sudane [The Mahdi Uprising in Sudan]. Moskva; Leningrad, 1950. (In Russ.)

Truevitshev K.M. Globalizatsiia i arabskii mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti [Globalization and the Arab World: Before and After the Two Waves of Turbulence]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Istoriia Saudovskoi Aravii (1745 g. – konets XX v.). [History of Saudi Arabia (1745 – late 20th century)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Korol' Feisal: lichnost', epokha, vera [King Faisal: His Personality, Era and Faith]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Puritane islama? Vakhkhabizm i pervoe gosudarstvo Saudidov v Aravii [The Puritans of Islam? Wahhabism and the First Saudi State in Arabia] (1744/45–1818). Moskva, 1967. (In Russ.)

Vidasova M.F. Sotsial'nye struktury dokolonial'nogo Magriba: Genezis i tipologiya [Social Structures of Pre-Colonial Maghreb: Genesis and Typology]. Moskva, 1987. (In Russ.)

Zviagel'skaia I.D. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – nevyynosimaia khрупkost' bytiia [Sovereignty and Statehood in the Middle East – The Unbearable Fragility of Being] // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2017. № 10 (2). S. 97–109. (In Russ.)

Al Reyhani A. Tarikh Najd al hadis wa mulhakatih. Beirut, 1928. (In Arabic)

Al Zarkali H. Kamus taradzhum ar ridzhal va n nisa' min al 'arab va l musta'ribin va d mustashrikin. Vol. 7. Beirut, 2002. (In Arabic)

Isa A. Al Mu'jizah fawq al rimal. Beirut, 1975. (In Arabic)

Nassar N. Mafhoum al ummah beina al deen wa al tarikh. Dirasah fi madloul al ummah fi al turas al 'arabiy al islamiy. Beirut, 1992. (In Arabic)

Al-Mubarak F.A. Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // *Journal of King Saud University*. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 21–44.

Kark R., Frantzman S.J. Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.

Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia 1925–1939. The Imperial Oasis. London, 1983.

Nahedh M. The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989.

Redissi H. Le Pacte de Nadjd. Ou comment l'islam sectaire est devenu l'islam. Paris, 2007.

Robinson C.F. 'Abd al-Malik. Oxford, 2005.

Schwarz R., De Corral M. States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // *Democracy and Security*. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226.

Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. Harlow, 2009.

Yizraeli S. The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997.